«ДИРИЖЁР - ПРОФЕССИЯ МОЛЧАЛИВАЯ»

Роман Юрьевич Моисеев родился в 1960 году в Москве. Оперно-симфонический и хоровой дирижёр. Окончил ДМШ имени М. М. Ипполитова-Иванова, АМУ при Московской консерватории, РАМ имени Гнесиных и Московскую государственную консерваторию имени П.И. Чайковского.

За плечами большой профессиональный опыт. Важное внимание в своей деятельности маэстро уделяет вопросам развития академического искусства в регионах, считая, что в каждом из них должны работать свои профессиональные коллективы мирового уровня.

О РОДИТЕЛЯХ, ПЕДАГОГАХ, О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И О СЕБЕ.

В.К. - Родителям свойственно полагать, что их дети самые талантливые. Но многое зависит от того, как проходит детство... Вероятно, в Вашей семье любили музыку?

Р.М. - Наша семья не была музыкальной в профессиональном смысле этого слова. Но, как говорится, из ничего ничего не бывает. Мама имела хороший вкус, пела в детском хоре и знала многие оперы на слух.

Дедушка обладал красивым от природы голосом. Услышит где-нибудь арию по радио и – держись! Выйдя на пенсию, ухаживал за своим садиком и разводил канареек. С какой бережностью он к ним относился и как обучал каждую желтую маленькую птичку своей персональной песенке – это не описать... Часто «птичники», приходившие к нему перенимать «мотивчики», устраивали целый консилиум, похожий на экзамен по вокалу в консерватории.

До конца 60-х годов дом, где прошло детство моих родителей, а затем и мое, находился на Абельмановской заставе. Рядом располагался знаменитый на всю Москву Птичий рынок и Октябрьское трамвайное депо.

В клубе депо на Новоконной площади был своеобразный филиал училища имени Гнесиных с музыкальными классами, самодеятельным хором и эстрадным оркестром, которым руководил, как мне помнится, Валерий Петрович Иванов.

Папа после работы играл в оркестре на аккордеоне, немного на пианино и изучал иностранные языки... Когда я уже поступил в музыкальное училище, как-то подошел ко мне и сказал: «Помоги мне с «Лунной сонатой». И освоил первую часть. Это был мой первый педагогический опыт...

Хочется вспомнить добрым словом мою удивительную прабабушку, благодаря которой я смог получить хорошее образование. Она родилась в 1890 году, пережила и 1905 год, и первую мировую, где была сестрой милосердия, и 1917 год, и тяжелые 30-е, и войну 1941-1945 годов, и многое другое.

Ей было 70 лет, когда я появился на свет. Прабабушка возила меня в музыкальную школу на Воронцовскую улицу, просиживая в ожидании под лестницей часами, и до последних дней была активной и жизнерадостной.

До 19 лет поддерживала меня всячески. Партийная закалка. Персональная пенсионерка. Такая кремень-женщина. С утра у нее зарядка, газета... Когда мне уже было лет 17, однажды говорит: «Вот облигации трехпроцентного займа, они скоро начнут погашаться, возьми, тебе пригодится». Действительно, как в воду глядела...

Многим знакома такая ситуация: в какой-нибудь праздник за столом собираются родственники, и талантливого ребенка просят что-то спеть или сыграть для гостей... Вот и со мной такое происходило.

Меня ставили на стул, и я пел популярную тогда песню: «Жил да был черный кот за углом…», которую исполняла Тамара Миансарова. И руками при этом так водил, что под всеобщее умиление присутствующих однажды кто-то сказал: «Он будет дирижёром».

Любил слушать по радио песни и детские передачи, бой кремлевских курантов и завораживающий голос: «Говорит Москва!». Крутил дедовские пластинки. Они тогда были тяжелые и бились. «Рио-Рита», «Брызги шампанского»… А вот песня Александры Николаевны Пахмутовой «Геологи» на словах: «...Наш путь и далек, и долог. И нельзя повернуть назад...» у меня почему-то вызывала слёзы.

По телевизору стали передавать оперные трансляции. Перед ними выступала замечательный музыковед и первый музыкальный комментатор - Светлана Викторовна Виноградова. Мне особенно врезалась в память опера «Борис Годунов». Это было в середине 60-х годов. Под любым предлогом я не хотел ложиться спать вовремя и убеждал всех, что хочу смотреть оперу. Между телевизором и моей кроватью был поставлен стул, чтобы загородить экран. Но я слушал и «засыпал» под Пимена, арию Бориса и колокольный звон...

В.К. - У Вас были прекрасные учителя...

Р.М. - Моим первым педагогом по музыке была Алла Алексеевна Чистякова. Я на всю жизнь запомнил это имя и вот почему. В семь лет родители решили отдать меня в музыкальную школу №31 Ждановского района Москвы.

Конкурс был серьезный, около 15 человек на место. Помню, захожу в зал на третьем этаже, мне очень страшно. Сидит комиссия. «Здравствуй», - говорят. «Здравствуйте». «Ты нам что-нибудь споешь или сыграешь?» К поступлению мы подготовили пьесу А. Гедике, старинный танец «Ригодон» из «Школы игры на фортепиано» под редакцией А. Николаева. После исполнения меня спросили: «Ты где-то учился?» Я почему-то засмущался, потом достаточно категорично ответил: «Нет, нигде». «Как же ты нигде не учился, а так хорошо играешь?» Вопрос повис в воздухе. И тут меня подловили: «А как зовут твоего педагога?» Я сказал: «Алла Алексеевна». Экзаменаторы дружно рассмеялись...

В музыкальной школе я стал заниматься на фортепиано у Нелли Даниловны Багдасаровой. Каждый год школа дает отчетные концерты. И проучившись первый год, я играл в Малом зале Московской консерватории 2 пьесы Р. Шумана: «Первая утрата» и «Смелый наездник».

Так как это было мое первое выступление, мне объяснили: «Выйдешь на сцену, обойдешь стульчик, поправишь сиденьице (тогда подкладывали деревяшечки по росту), сядешь, положишь руки на коленки, досчитаешь про себя до 10, потом положишь руки на клавиши и будешь играть». А как уходить со сцены – меня, семилетнего мальчика, не научили. Я отыграл, вышел из-за рояля, а дальше началась подсмотренная где-то «импровизация». Отвел правую руку в сторону, как бы приглашая кого-то, поднял также левую руку и под улыбки и восторженную реакцию почему-то стал уходить лицом к залу, как бы пятясь.

Помимо основных уроков, Н.Д. Багдасарова приглашала меня заниматься к себе домой. В квартире стояли не просто пианино, а два кабинетных рояля. На них занимались ее дети, Наталья и Александр Багдасаровы, которые в дальнейшем стали прекрасным фортепианным дуэтом Московской филармонии.

Представляете, когда я осваивал фуги И.С. Баха или сонаты Бетховена, в соседней комнате «шпарили» виртуозные этюды Листа, Шопена или что-то другое. Нелли Даниловна вместе со своей дочерью Натальей Юрьевной, дарили детям свой уникальный талант, душу и сердце!

Более 40 лет в нашей школе преподавала сольфеджио и хор Светлана Петровна Коновалова. Она по образованию дирижёр-хоровик, весьма энергичный и коммуникабельный человек. Окончила в свое время Институт имени Гнесиных и могла работать хормейстером у Вадима Анатольевича Судакова. Но выбрала педагогику и молодым специалистом пришла в музыкальную школу. Благодаря этому нам всем очень повезло с учителем.

И уже потом, много лет спустя, после окончания школы, те встречи выпускников, которые она традиционно организовывала у себя дома, были важны для каждого...

В.К. - Насколько я знаю, дети в музыкальных школах предмет сольфеджио не очень любят.

Р.М. - У нас было иначе, поскольку в группе собрались несколько «слухачей». Педагог играл 8-10 раз какую-то мелодию, и необходимо было по слуху записать ее в нотах. Мы вступали в своеобразное соревнование – кто первый напишет музыкальный диктант.

Такой творческий запал у меня сохранился и потом, когда я уже учился в Российской академии музыки имени Гнесиных у прекрасного педагога по сольфеджио Зои Ивановны Глядешкиной. Напишу быстрее всех музыкальный диктант. И пока остальные студенты его дописывали, мне иногда разрешалось бегать пить чай в буфет...

В.К - В вашей музыкальной школе была установка на продолжение карьеры. Но нужно было ещё учиться и в общеобразовательной школе?

Р.М. - Из одной школы – в другую. Так и было. Лето для детей это, прежде всего, отдых, фрукты и прочее... Но когда тебе даётся задание, чтобы к осени ты «разобрал вчерне» (так говорилось тогда) самостоятельно кучу пьес, то отдых весьма относителен. Не поиграл недельку-другую и, возможно, потерял форму. Когда я ездил в пионерский лагерь, мне давали ключ от клуба, где стояло разбитое пианино и разрешали заниматься, чтобы в сентябре прийти в музыкальную школу с «разобранным» материалом. Конечно, слегка завидовал тем, кто после общеобразовательной школы, что называется, «кинул портфель - и во двор»...

В те годы в музыкальной школе было семилетнее, а в общеобразовательной - восьмилетнее образование. Поэтому из нас собрали группу наиболее способных учеников, которые были ориентированы на дальнейшее профессиональное музыкальное образование, и мы проучились еще дополнительный год, чтобы укрепить навыки, полученные в музыкальной школе и подготовиться к поступлению в музыкальные училища Москвы...

Школа гордится своими выпускниками, среди которых профессор Московской консерватории Михаил Воскресенский, эстрадная певица Алла Пугачева, известный композитор Алексей Шелыгин, солистки Большого театра Елена Брылёва и Евгения Сегенюк (Гусева) и многие другие.

С 1992 года она носит имя М.М. Ипполитова-Иванова, а недавно отметила свой 80-летний юбилей. Когда-то в нашей школе на Таганке зарождалось музыкальное училище, которое затем переехало в типовое пятиэтажное здание рядом с метро «Пролетарская» и сейчас является Музыкально-педагогическим институтом.

В.К. - После школы сразу в училище?

Р.М.- Да. Вместе со мной у Н.Д. Багдасаровой учился сын заведующего дирижёрско-хоровым отделением училища А.П. Александрова.

И однажды после отчетного концерта Адриан Петрович подошел ко мне (правда, тогда я еще не знал, что он работает в одном из лучших музыкальных училищ) и сказал: «Ты хорошо играешь. А кем ты хочешь быть?». И я ответил: «Хочу быть дирижёром». Он предложил: «Окончишь школу, приходи ко мне в училище при консерватории». Почему я тогда так сказал?...

Вступительные экзамены в училище при Московской консерватории (мы называем его «мерзляковкой», потому что оно находится в Мерзляковском переулке у Никитских ворот) я сдал со всеми «пятерками».

Основными предметами стали дирижирование, фортепиано, чтение партитур и хоровой класс. Мы с удовольствием пели в смешанном хоре, который состоял из учащихся, с 1 по 4 курс.

Правда, первые годы очень отвлекал общеобразовательный цикл и особенно такие «важные» дисциплины, как физкультура и гражданская оборона. Эти предметы вел непримиримый борец за здоровый образ жизни и всеобщий порядок - Борис Иванович Жаров... Естественно, я думал, что попаду в класс по дирижированию к А.П. Александрову. Но он сказал, что даст мне очень хорошего педагога.

И действительно, это был педагог, которому я благодарен всю жизнь. Уникальная женщина, к тому времени уже в возрасте, Зоя Васильевна Муравьева не просто окончила Московскую консерваторию и пришла преподавать в училище. Она работала многие годы хормейстером в Оперной студии консерватории. Среди ее первых учеников – профессор Московской консерватории Н.Н. Добровольская и директор школы при училище З.К. Леонова.

Зоя Васильевна унаследовала традиции выдающихся русских хоровых мастеров синодальной школы, обучалась у Георгия Александровича Дмитревского и Николая Михайловича Данилина.

Была очень требовательным педагогом. Однажды я услышал в свой адрес следующее: «Голубчик, так болтать руками можно научить обезьяну за 15 минут, дав ей за это банан... Это все не так просто, как тебе кажется».

И меня посадили «на хлеб и на воду». Зоя Васильевна сказала: «Ты у меня будешь дирижировать только вот так – эту долю – сюда, эту долю – туда. Когда ты станешь профессионалом, ты будешь дирижировать как хочешь, хоть левой пяткой, но сейчас ты должен получить школу и основу, поэтому я тебе не дам никаких вольностей». Приходилось встраиваться в строгие рамки.

В консерваторском училище под руководством его директора Ларисы Леонидовны Артыновой в те годы работало много прекрасных преподавателей: И.М. Усова, на лекциях и по учебнику которой мы изучали хоровую литературу, Т.Н. Твердислова, руководившая знаменитым хором таксистов «Зеленый огонёк», педагог по фортепиано М.А. Вайсборд. В нашей стране Мирон Абрамович считался специалистом по испанской музыке. У него вышло несколько книг, в том числе, «Андрес Сеговия», и сборники фортепианных пьес. Мы постоянно участвовали в различных концертах и исполняли произведения Альбениса, Де Фальи…

Предмет «гармония» в «мерзляковке» вела Лариса Петровна Мирошникова, а сольфеджио – Лев Георгиевич Краснянский. Звездный дуэт педагогов-теоретиков!

Л.П. Мирошниковой я благодарен персонально. За то, что уже после окончания Российской академии музыки имени Гнесиных поступил в Московскую консерваторию. При поступлении на оперно-симфоническое отделение одного или двух допущенных к экзаменам дирижёров традиционно прикрепляли к потоку теоретиков и композиторов. У меня принимали экзамены Юрий Николаевич Холопов и Андрей Николаевич Мясоедов. И вряд ли я смог бы успешно выполнить задания, если бы не основа, заложенная в училище.

Огромное влияние на меня оказал Валерий Полянский, в консерваторский хор к которому я пришел на 2-м курсе «мерзляковки». По программе училища при консерватории начались индивидуальные занятия по вокалу.

Мой педагог Татьяна Дмитриевна Смирнова, занимавшаяся одновременно с певцами этого камерного хора, однажды сказала: «Пойдешь к Валерию Полянскому и будешь у него петь».

И так получилось, что с 1976 года я оказался в Камерном хоре Московской консерватории. То есть, попал в очень серьезную профессиональную атмосферу, где меня окружали сформировавшиеся музыканты, студенты и аспиранты консерватории.

Из Камерного хора Московской консерватории выросла Государственная академическая симфоническая капелла России... Я очень горжусь, что пел в этом хоре на этапе его становления. Еще обучаясь в училище, у меня появилась возможность выступать на сцене Большого и Малого залов консерватории, ездить на гастроли, участвовать в записях... И в эти годы состоялось знакомство с Геннадием Николаевичем Рождественским.

В 1977 году хор В.К. Полянского и ГАСО под управлением Г.Н. Рождественского впервые в СССР исполнили «Реквием» А. Брукнера. Это было еще одно серьезное профессиональное «крещение» для меня после знаменитого исполнения 22 декабря 1976 года Концертов для хора Д.С. Бортнянского в Большом зале Московской консерватории. На диплом в училище, вместе с хором из «10 поэм» Д.Д. Шостаковича,

я взял именно произведение Антона Брукнера. Любовь к этому великому композитору, начавшуюся тогда, храню до сих пор и при возможности к нему обращаюсь...

В.К. - Для молодого и в меру амбициозного дирижёра, создание своего коллектива после училища наверное было смелым шагом.

Р.М. - Тому были предпосылки. После окончания училища при Московской консерватории, я начал работать в Правлении Хорового общества города Москвы и у меня, 19-летнего юноши, появилась уникальная возможность познакомиться с деятельностью музыкальных школ, училищ, хоровых студий, профессиональных и самодеятельных хоровых и оркестровых коллективов, общаться с выдающимися музыкантами, среди которых Клавдий Борисович Птица, Людмила Владимировна Ермакова, Борис Григорьевич Тевлин... Они были для меня корифеями. К тому же, хор молодежи и студентов Б.Г. Тевлина базировался при Хоровом обществе. И совпало это все с Олимпиадой-80, когда нас как бы откомандировали помогать в проведении культурной программы в Олимпийской деревне...

Зоя Васильевна Муравьева, узнав о моем решении создать хоровой коллектив, познакомила с очень интересным человеком и своим бывшим учеником.

В особняке на Большой Бронной располагался Московский Дом самодеятельного творчества. Там и работал Михаил Томович Михай, курировавший коллективы художественной самодеятельности Москвы, в том числе, и хоровые. Не побоюсь сказать, что он мне помог сориентироваться в 32-х районах Москвы, и мы выбрали Дворец культуры имени Горького, где, в конечном итоге, и был создан камерный хор. Я, мой хормейстер и концертмейстер получали зарплату.

Наш хор (с 1988 года он получил название «Кантилена») состоял из студентов и педагогов музыкальных учебных заведений. Состав небольшой – до 20 человек. И тем не менее, творческая деятельность коллектива была дважды отмечена публикациями в авторитетнейшем журнале «Музыкальная жизнь». Мы записывали программы на радио, выступали с концертами, выпускали хоровые сборники...

В.К. - Т.е. практически получилось, что после окончания училища основная работа была с хором. Потом – армия?

Р.М. - Меня призвали в 23 года. Оставил хор на своего хормейстера и буквально из армии чуть ли не каждый день отсылал письма и директивы – что петь, как петь, с чем работать, как работать...

Я попал в Ансамбль песни и пляски Забайкальского военного округа. На третий день вызывает меня к себе начальник ансамбля Николай Иванович Лысенко: «Печатать на машинке умеешь? Ты же пианист?».

Пришлось параллельно осваивать делопроизводство, документацию, приказы... Конечно, помогал хормейстеру. Но зато мы проехали с концертами весь БАМ с запада на восток, и с востока на запад, и Транссиб - от Тайшета до Сковородино...

В.К. - А когда вернулись...

Р.М.- Сразу поступил в Российскую академию музыки имени Гнесиных (тогда еще музыкально-педагогичнский институт), в класс хорового дирижирования к профессору В.О. Семенюку. Я был одним из немногих его учеников.

Владимир Онуфриевич одновременно руководил студенческим хором и работал дирижером в Московском камерном хоре под управлением Владимира Николаевича Минина. К тому же, В.О. Семенюк в прошлом окончил аспирантуру Новосибирской консерватории по симфоническому дирижированию у А.М. Каца, поэтому уровень требований сразу оказался высоким.

С третьего курса я перешел в класс выдающегося хорового дирижёра и педагога, руководителя Государственной академической хоровой капеллы России имени А.А. Юрлова – Станислава Дмитриевича Гусева.

Обучаясь на втором курсе я стал ассистировать на оркестровой кафедре профессору Олегу Михайловичу Агаркову в его камерном оркестре и оперной студии.

Это было очень необычное сотрудничество. Камерным оркестром института имени Гнесиных и моим хором были подготовлены 2 совместные программы. Одну из которых Олег Михайлович доверил дирижировать мне...

Он иногда приходил к нам на хоровые репетиции и, будучи человеком с большой буквы, уважительно относился к моим начинаниям. К сожалению, в 1987 году Олег Михайлович Агарков скоропостижно скончался. Мое сотрудничество с кафедрой возобновилось, когда я уже учился в Московской консерватории и ректор академии Сергей Михайлович Колобков пригласил меня работать со студенческим симфоническим оркестром...

В.К. - Одновременно Вы продолжали руководить созданным хором. Небольшой камерный коллектив, как творческая лаборатория?

Р.М. - Возможно. Состав периодически обновлялся. Огромную поддержку я чувствовал от педагогов Гнесинки А.И. Тихоновой, Л.И. Диановой, Е.Н. Подгорной, которые к тому же участвовали в наших концертах.

Когда хор уже прекратил свое существование в 1991 году, многие певцы, разъехавшиеся по стране, писали и высказывали слова благодарности за школу, которую они прошли в нашем дружном коллективе. Следует еще раз напомнить, что хор был любительский и зарплату певцы тогда не получали. Мы выступали не только на официальных концертных площадках Москвы, но и в церкви «Успения» в Косине, в колокольне Знаменского собора.

А в церкви-музее «Троицы в Никитниках», которая находится у метро «Китай-город», наши концерты проводились с 1984 по 1990 год. Хочется высказать слова благодарности её директору, замечательному человеку Герману Юльевичу Элькину.

С 1992 по 1995 годы мною был создан новый коллектив - Московская филармоническая капелла. Здесь уже нам пришлось искать спонсоров. 90-е годы вообще были непростые для искусства... Приходилось бегать по открывающимся и закрывающимся банкам. Но мы могли давать концерты и в Московской консерватории, и в Гнесинке, да и репертуар был серьезный: от Магнификата И.С. Баха до Мессы И.Стравинского.

В.К. - И вот так, сразу после Гнесинской академии – и в Московскую консерваторию?

Р.М. - Почти... В 1992-м году я окончил Российскую академию музыки и мне посчастливилось попасть на стажировку к выдающемуся дирижёру и педагогу, профессору Геннадию Николаевичу Рождественскому, который впоследствии оказал мне огромное доверие, порекомендовав в один из симфонических оркестров, тем самым открыв путь в профессию.

А в 1994-м году сдал все положенные экзамены и поступил на факультет оперно-симфонического дирижирования.

В 34 года поступать и поступить в Московскую консерваторию не просто.

Здесь, конечно, есть своя предыстория. Еще студентом Гнесинки, я начал посещать уроки, репетиции и приходил в класс Д.Г. Китаенко, скромно садясь с изучаемыми на уроке партитурами в уголок большого дивана. Не раз замечал, как взгляд маэстро проскальзывал мимо меня...

Так прошел год, и я осмелился: «Дмитрий Георгиевич, я хотел бы на одном из следующих уроков вам показаться». Получив от маэстро «добро», с 1988 года концертмейстеры начали со мной периодически заниматься. Дмитрий Георгиевич стал для меня непререкаемым авторитетом. У него было немного учеников. И когда в дальнейшем я поступил в его класс, то был безгранично счастлив...

Как-то я спросил у Дмитрия Георгиевича: «Что мне подирижировать в классе?» В ответ услышал: «Подумайте о Шестой Малера». Такое необычное предложение «запало глубоко»... Потом узнал, что в это время он готовил ее с оркестром...

После ухода с должности художественного руководителя и главного дирижёра Академического симфонического оркестра Московской филармонии, маэстро не оставил своих учеников в Московской консерватории и продолжил с нами заниматься. В один из его приездов (это был 1996 год), как бы «отвечая» мастеру, решил подготовить Вторую Малера!

Свыше часа я дирижировал, а потом более часа профессор терпеливо «раскладывал все по полочкам». Благодаря огромной выносливости блестящих концертмейстеров, все прошло на хорошем уровне. Никогда не забуду этого урока.

Конечно, дирижирование «под рояль» не заменяет оркестр, но таковы условия обучения. Несмотря на это, Д.Г. Китаенко всегда воспитывал музыканта, а не ремесленника.

В традиции класса сначала необходимо был продирижировать подготовленное сочинение полностью.

Во время занятий 22-й класс всегда был полон. Концертмейстеры в Московской консерватории, работавшие у Д.Г. Китаенко - А.А. Ивановский и Е.А. Фаттахутдинова - феноменальные музыканты экстра класса, работают и сейчас. Партитура у них всегда звучит на рояле бережно, тембрально, с легким запаздыванием. Можно всегда услышать оркестровую партитуру, а не просто игру пианистов. Иногда могли вступить, что называется, «по руке» или, если не понятны намерения, - остановиться и сделать замечание... На занятиях царила творческая атмосфера. А самое главное - всегда звучал оркестр.

В.К. - Наверное, в профессиональном воспитании музыканта огромную роль играет преемственность...

Р.М. - Обучаясь в Московской консерватории, я начал гастролировать, а сразу после её окончания, благодаря Владимиру Алексеевичу Рылову, приехал в Бурятский оперный театр, где сразу погрузился в постановочный процесс «Пиковой дамы» П.И. Чайковского, а затем и других спектаклей.

Для меня ярким примером преемственности в искусстве послужило творчество выдающихся деятелей Бурятской культуры, народных артистов СССР Дугаржапа Дашиева, Кима Базарсадаева, Галины Шойдогбаевой, а так же Валентины Цыдыповой (в то время - солистки Мариинского театра), Ольги Аюровой, концертмейстера Даримы Линховоин и других не менее блистательных артистов, впитавших и передающих из поколения в поколение прекрасные традиции.

В дирижировании мне посчастливилось застать преподавателей более старшего поколения, у которых получили образование мои замечательные педагоги.

В.О. Семенюк и Д.Г. Китаенко обучались у Елизаветы Петровны Кудрявцевой в Санкт-Петербургской консерватории. В.О. Семенюк - у А.М. Каца в Новосибирске, а А.М. Кац - у самого И.А. Мусина.

Как бы перекинулся «мостик» преемственности, что дало более осмысленное понимание профессии в её динамическом развитии...

Очень интересными оказались встречи с Ильей Александровичем Мусиным, по книгам которого многие из нас познавали основы дирижерской профессии и с Арнольдом Михайловичем Кацем, с которым мы не раз встречались и в Москве, и в Новосибирске... В 1998 году маэстро дирижировал в финале XI конкурса имени П.И. Чайковского. И я попросил:

«Арнольд Михайлович, позанимайтесь со мной». В ответ: «Как?» Я говорю: «Если договорюсь с концертмейстерами, а Вы придете в Московскую консерваторию». На что получил ответ в свойственной ему манере: «А меня никто там не арестует?». Занятие все же состоялось, и я был в полном восторге...

Весьма своеобразно произошло моё знакомство с Е.П. Кудрявцевой, воспитавшей целую плеяду дирижеров: однажды зайдя в ее класс по дирижированию в Санкт-Петербургской консерватории (это было в начале 90-х), Елизавета Петровна мгновенно включила меня в творческий процесс. Продолжая занятия с одним из своих студентов по Кантате № 4 И.С. Баха, она попросила меня занять место второго концертмейстера. Такого я даже не мог и предположить, но «экзамен» был пройден успешно... Это было незабываемое общение с удивительной женщиной и замечательным педагогом.

В.К. - Все-таки наша дирижёрская школа ценится в мире.

Р.М. - Да. Безусловно. Я тоже причисляю себя к ее последователям. К тому же, моими наставниками были представители московской и петербургской дирижёрской школы. Сегодня мир знает В.А. Гергиева, Д.Г. Китаенко, С.М. Бычкова, Ю.И. Симонова, Г.Н. Рождественского, П.Л. Когана, А.Н. Лазарева, В.И. Федосеева, Ю.Х. Темирканова, Н.Г. Алексеева, А.С. Дмитриева, оркестры, возглавляемые В.Т. Спиваковым, М.В. Плетневым, Ю.А. Башметом. Интересны Гинтарас Ринкявичус, Дмитрий Лисс, Александр Сладковский, Марк Кадин. Можно назвать некоторых представителей отечественной школы, получивших признание на западе. Это Андрей Борейко, Василий Петренко, Туган Сохиев, братья Юровские…

Дирижёр, с моей точки зрения, это достаточно глубинная, возрастная, молчаливая и не совсем понятная профессия.

Если говорить о своих ощущениях, то для меня уровень мастерства определяется минимумом слов и умением сиюминутно воздействовать на оркестр. Поэтому наиболее удачными я считаю репетиции, которые могут проходить практически без остановок и «на одном дыхании», предвосхищая атмосферу, создаваемую на концерте.

Сегодня у слушателей есть выбор: пойти на концерт или без проблем достать с полки любое «идеально законсервированное» исполнение. Иногда музыка звучит «в нарезку», стоит нажать нужную кнопку. Наверное, поэтому мы все чаще между частями на концерте слышим аплодисменты.

Тут многое зависит от дирижёра. Согласитесь, аплодировать хочется тогда, когда поставлена эмоциональная точка, все сказано и услышано. А еще лучше, когда зритель боится нарушить совместно созданную атмосферу даже после окончания произведения.

В своей деятельности я стремлюсь к этому, стараясь исполнять только те сочинения, которые, если так можно выразиться, «поселяются глубоко в душу».

В.К. - Педагогов и дирижёров, о которых Вы говорили, объединяет высокий профессионализм, простота и, наверное, любовь к людям, умение поддержать в трудной ситуации. Это очень высокая планка, и нравственная, и профессиональная.

Р.М. - Вы совершенно правы. Наши педагоги воспитывали нас, как родители... Вот смотришь видеозаписи, посещаешь концерты или репетиции выдающихся музыкантов: все такие «высокие», «звездные», лауреаты Ленинской премии, народные артисты СССР.

Но однажды подойдешь и почувствуешь: они как и ты, только старше, понимают больше. Выдающийся человек всегда может быть на твоей высоте и смотрит на мир, как бы одновременно наблюдая за ним чуточку со стороны.

Это дар плюс жизненный опыт, который мы все приобретаем.

Когда в конце своего обучения в Московской консерватории я был направлен на стажировку в БСО имени П.И. Чайковского и в течение длительного времени имел счастье посещать репетиции маэстро В.И. Федосеева, то не переставал удивляться той доверительной атмосфере в оркестре, которая царила на репетициях.

Навсегда запомнилась беседа Владимира Ивановича со мной в 5-й студии ГДРЗ. В редкие минуты тишины, в отсутствии оркестра, маэстро говорил о судьбе великой русской культуры, об уходящей эпохе...

Так получилось, что в январе 1998 года пришла печальная весть о кончине выдающегося русского композитора Г.В. Свиридова. Владимир Иванович очень любил творчество Георгия Васильевича, дружил с ним и тяжело переживал эту утрату. Не задумываясь, он изменил программу своего очередного концерта в Большом зале Московской консерватории и полностью посвятил его памяти Георгия Васильевича Свиридова...

В.К. - Для творческого человека очень важно ощущение связи времен...

Р.М. - Особенно когда перед тобой жизнь близких, композитора, чьё произведение ты исполняешь, или судьба вверенного тебе творческого коллектива... Как бы охватываешь общим взглядом большую длинную линейку и анализируешь: «на каком сантиметре находишься».

В жизни мы общаемся с теми, кто нам близок. Иногда достаточно короткого посыла или редкого присутствия, потому что мы и так находимся на «одной волне» с нашими родителями, учителями, в личных и профессиональных взаимоотношениях. Допустим, долго не видишь детей, внуков, но знаешь – нас что-то непрерывно объединяет, создаются невидимые коммуникации и своеобразное виртуальное пространство. Так, наверное, все и устроено...

Беседовала **Валентина КУДРЯШОВА.**
Текст интервью 2013 года.